

Чжэн Хайян вернулся в прошлое и прожил в этом дворе меньше двух месяцев, как уже пришлось уезжать. Ни сожаления, ни тревоги. Как и мама, он с тайным надеждой смотрел в будущее. Это был путь, совершенно отличный от прошлого. Чего их ждёт — он не знал, но был уверен: пока семья едина, жизнь будет становиться всё лучше. Он сделает всё, что в его силах, чтобы повлиять на судьбу.

Ещё через пять-шесть дней Чжэн Пин оформил увольнение. Он попрощался с братьями и начал собирать багаж, оставалось только дожидаться, когда Чэн Баоли закончит дела, и можно было уезжать.

Чжэн Пин ещё хотел, чтобы жена зашла к родителям, но после того как в прошлый раз бабушка по материнской линии и тётя Яньяна наезжали с претензиями, он больше не поднимал эту тему. Он и так не любил семью жены, а тогда как раз не было дома, если бы был — возможно, не сдержался и набил бы морду.

Чэн Баоли сказала:

— Давай соберём вещи и уедем. Я не пойду к родителям предупреждать. Я столько лет помогала им, а они никогда не думали о моих чувствах. После того наезда мне стало всё равно. Пусть они о себе подумают, кто обо мне подумал?

Чжэн Пин спросил:

— Раз мы уезжаем, этого не скроешь. Они не придут опять буйствовать?

Чэн Баоли подумала и покачала головой:

— В прошлый раз они пришли, потому что боялись: если твои родители уедут, Яньяна бросят на них. А теперь уезжаю я — они не придут.

Она уже давно подала заявление, многие на заводе знали и спрашивали. Неужели Чэн Баоля не знает? Неужели её родные не знают? Наверняка знают. Но даже если знают, не придут спрашивать, не то что провожать.

Чэн Баоли всех просветлела и поняла, так что надежд больше не строила.

В день, когда оформили увольнение, Чэн Баоли зашла в кабинет начальника за документами. Накануне она снова заглянула к нему домой, привезла кое-что: яйца, детские игрушки да две пачки импортных сигарет, которые Хань Чжицзюнь дал Чжэн Пину. Начальник, отдавая ей бумаги, сказал:

— Я думаю, съездить посмотреть — тоже хорошо. Человек не может всю жизнь просидеть в нашем маленьком уезде.

При уходе он даже пожал ей руку:

— Желаю удачи в будущем. Пусть всё будет гладко.

Чэн Баоли была тронута и всё благодарила.

Никакой грусти расставания. Когда с материальным туго, не до духовного. Обе семьи собрали кучу мешков и коробок. Хань Чжицзюнь с Чжэн Пином умудрились даже упаковать цветной телевизор. Как говорила Чэн Баоли, дело-то недешёвое, больше двух тысяч стоит, пусть потом

Яньян с Хань И смотрят.

Автобус снова остановился у входа в переулок. На этот раз он вёз семью Чжэн Хайяна и семью Чэнь Линлин в большой город — центр провинции на том берегу реки.

В автобусе Чэн Баоли приподняла шторку, закрывающую солнце, и выглянула наружу. Чжэн Хайян тоже посмотрел в окно, увидел знакомый круговой перекрёсток и широкую уездную дорогу, увидел трактор, который с громким «тук-тук-тук», выпуская длинный хвост дыма, проезжал мимо...

Чэн Баоли тихо вздохнула. Вдруг малыш Хань И по соседству захныкал, собираясь зареветь, и Чэнь Линлин торопливо крикнула:

— Яньян, Яньян, скорее, братик опять плачет.

Чжэн Хайян протянул руку и ущипнул пухлую щёчку Хань И, глядя ему в глаза:

— Нельзя плакать. Если будешь плакать просто так, я с тобой не дружу.

Услышав голос Яньяна, малыш сразу перестал хныкать.

Хань Чжицзюнь рядом засмеялся:

— Почему этот парень так слушается Яньяна!

Слова вызвали смех у всех вокруг.

Отъезд не был грустным, обе семьи с надеждой смотрели в будущее.

Автобус подъехал к переправе через реку. Перед посадкой на паром нужно было выстроиться в очередь. Машина остановилась, пассажиров выпустили на полчаса погулять перед посадкой.

Обе семьи вышли размяться. Чжэн Хайян просидел в дороге так долго, что ноги отекли, а попа затекла. Автобус конца восьмидесятых явно не уступал в комфорту «Фэйхэ» из будущего.

Вышедшие из автобуса, Чэн Баоли поразило увиденное. Весь берег реки напоминал оживлённый рыночный день. По дороге стояли разные лавки: с вонтонами, чайными яйцами, булочками, закусками, были и магазинчики с одеждой, сигаретами, вином, кассетами, некоторые даже включали музыку, чтобы привлечь покупателей.

Похоже было на шумный базар.

Машин и людей, желающих переправиться, было немало, поэтому берег был особенно оживлён. Путников и прохожих было не сосчитать, в воздухе не чувствовалось речной тины, вместо этого разносился аромат чайных яиц и уличной еды.

Чэн Баоли широко раскрыла глаза, а Чэнь Линлин, держа сына на руках, глотнула слюну и сказала:

— Как вкусно пахнет! Я проголодалась. Давайте поедим.

Так как было всего полчаса, далеко ходить нельзя, они огляделись вокруг парома и нашли лавочку, где были свободные места. Заказали лапши и вонтонов.

Четверо взрослых и один ребёнок. Лапша и вонтоны — и всё вместе стоило двенадцать юаней! Чэн Баоли, глядя, как Чжэн Пин платит, только причмокивала. Чэнь Линлин подтолкнула Хань Чжицзюня:

— Иди купи чайных яиц, побольше, на дорогу возьмём.

Хань Чжицзюнь встал и пошёл покупать. Чэн Баоли вспомнила, что чайные яйца на берегу стоят пятьдесят центов за штуку, и ей стало больно за деньги:

— Знала бы, вчера сварила бы дома с собой. Пятьдесят центов штука!

Как раз хозяева принесли лапшу и вонтоны, и женщина рассмеялась:

— Пятьдесят центов было в позапрошлом месяце! Сейчас пятьдесят пять!

Чэн Баоли:

— ...

Чжэн Хайян поперхнулся водой и выплюнул её.

Чэнь Линлин закрыла рот рукой и смеялась, махнув рукой хозяйке:

— Да не говорите, не говорите, ей сейчас сердце разорвётся.

Чэн Баоли прижала руку к груди. Ей было не просто жалко денег, у неё буквально всё болело.

Хань Чжицзюнь вернулся с десятком яиц, сел, начал чистить один и сказал, опустив голову:

— Цена выросла, теперь пятьдесят пять центов.

Чэнь Линлин едва не смеялась в голос, а Чэн Баоли вспомнила об этом ещё раз, и сердце заболело сильнее.

После еды осталось немного времени, они пошли побродить поблизости. Чжэн Пин купил Чжэн Хайяну сахарную вату. Она была больше головы мальчика, и когда он ел, всё лицо и руки стали липкими, даже на лбу.

Наступило время погрузки. Чэнь Линлин с семьёй нашли машину и забрались в неё. Автобус заехал на большой паром. С палубы корабля берег реки казался уменьшенной копией оживлённого города: люди повсюду, торговля идёт бойко, на каждом лице — стремление к новой жизни.

У дверей одной из лавок у берега стоял магнитофон, весёлая мелодия долетала до корабля:

*

Следуй за чувством

Крепко держи мечту за руку

Небо всё ближе и нежнее

Настроение свободно, как ветер

Вдруг обнаруживаешь совершенно другого себя

Следуй за чувством

Пусть оно ведёт тебя

Надежда ждёт меня совсем рядом

Следуй за чувством

Пусть оно ведёт тебя

Мечты сбываются везде

*

Паром отчалил от берега, песня становилась всё тише и дальше, но эту песню, услышанную на переправе, Чжэн Хайян не забудет всю жизнь: «Следуй за чувством, крепко держи мечту за руку... вдруг обнаруживаешь совершенно другого себя... мечты сбываются везде».

Когда они тронулись от берега и слышали «Следуй за чувством», в душе Чжэн Хайяна поднялась маленькая волна, но когда паром доставил их на середину реки, эта волна волнения была потушена волнением на самом животе.

Лицо Чжэн Хайяна побелело, он свернулся калачиком на коленях у отца. Чжэн Пин дал ему воды, он сделал глоток, тошнота накатила, и он выплюнул воду, а потом и те вонтоны, что съел на берегу.

Чэн Баоли с жалостью сказала:

— Эх, знала бы, не давала бы Яньяну есть.

Чжэн Хайян, без сил лежа, покачал головой:

— Мама, ничего.

Потом он услышал, как мама говорит:

— А вонтоны-то стоят несколько юаней за миску.

Чжэн Хайян:

— ...

Чэнь Линлин с Хань Чжицзюнем чуть не лопались со смеху, а Чжэн Пин толкнул Чэн Баоли, эту скрягу:

— Что ты говоришь?

Чэн Баоли замерла, сама себя от своей жадности рассмеяла, прижала Чжэн Хайяна к груди и стала его укачивать.